
ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВВ. В СОЦИАЛЬНЫХ СТРАХАХ

М.И. Витковская

Кафедра социологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

Ощущение нестабильности, ставшее одной из базовых характеристик общественного сознания в современном обществе, особенно ярко проявляется в эпоху трансформаций, а потому анализ социальных страхов в российском обществе сегодня столь актуален. В статье описываются факторы, повлиявшие на формирование социальных страхов в современной России, и их специфика.

Тотальная небезопасность и незащищенность — основные следствия трансформационных процессов в обществе. Затяжные кризисы приводят к изменениям, отражающимся в общественном сознании. Это прослеживается в современной России, в которой трансформационные процессы конца XX — начала XXI вв. осуществлялись в том числе и с помощью «шоковой терапии», что привело к ряду негативных последствий.

В странах Запада кризис нарастал постепенно, он констатировался и подвергался всесторонней рефлексии на протяжении всего XX в. Постепенность давала время к нему приспособиться, что не только позволило сохранить правовую и политическую структуры общества, но и сам кризис институализировался. Хаотические элементы стали основным принципом деятельности многообразных институтов, чья функция состоит в аккумуляции, регуляции и контроле рисков. К таким институтам можно отнести биржи, банки, страховые учреждения, игровой бизнес, экспертные органы и органы надзора за рисками и т.п. [2. С. 47—53].

В России кризис неожиданно, в довольно короткий срок разрушил существовавшую систему. Степень и скорость нарастания деструктивных изменений были таковы, что минимизировать и тем более предотвратить масштабные следствия этого оказалось крайне проблематичным. «Непродуманные попытки „шокового“ введения правил игры, взятых из зарубежной практики и противоречащих нормам национальной культуры, способны вызвать глубокий общественный кризис» [3. С. 55]. Не случайно в научной литературе российская модернизация характеризуется как «насильственная», «запаздывающая», «рецидивирующая», «догоняющая», что подчеркивает не самобытность, а скорее безуспешность этих процессов [2; 3; 12].

Большинство исследователей отмечают, что реформационные процессы в России 1990-х гг. хоть и связаны с модернизацией, таковой не являются. «Ресурсом адаптации» к масштабным институциональным изменениям стало массовое нарушение общепринятых норм и правил поведения. Материалы социологических опросов фиксируют увеличение степени усталости, апатии, агрессии (и окружающих

и своей собственной), разного рода страхов, бесперспективности существования [4; 5; 6; 11].

Психологическое напряжение, вызванное шокирующими изменениями среды, приводит к утрате «горизонта происходящего», в рамках которого должны интерпретироваться те или иные значимые для общества события, нарушает (а в некоторых случаях и упраздняет) связи между личными проектами и тем социальным пространством, в котором они должны осуществляться. Это вызывает дезориентацию и дезадаптацию населения. П. Бергер и Т. Лукман предложили назвать подобное (гипотетическое для них) состояние как «мир сошел с ума». Свойственная современности неопределенность и непредсказуемость усиливает это состояние. «Естественно, такое всемирное сумасшествие будет острее протекать на фоне „сопутствующих заболеваний“» [2. С. 87]. Все это вызывает предельное нервное напряжение (стресс, шок), преодоление которого возможно двумя основными типами реакций: активной, или борьбой, и пассивной — бегством от трудностей либо готовностью терпеть. Если же обе эти реакции по тем или иным причинам невозможны либо оказываются неэффективны, перенапряжение влечет всплески деструктивных форм поведения: агрессию, панику, апатию. Интенсивное воздействие стрессоров может приводить к трансформации личностных свойств, ломке ценностей. Запредельное нервное напряжение отражается в массовом сознании в метаморфозах, принципиально новых формах преломленного сознания. Среди таких форм можно выделить негативную идентичность, кентавричность и др. Эти формы выступают как механизмы защиты от угрозы разрушения ценностной системы индивида и групп.

Негативная идентичность возникает, когда «собственно позитивные мотивы и представления индивида не могут быть определены четко и рефлексивно. Они становятся определенными и могут быть выражены только в виде негативных значений, чаще всего в виде различных страхов (в полной форме — как утрата, в редуцированных формах — как страх перед чужим, незнакомым, представляющим враждебным или беспокоящим, таящим угрозу). Причем один из главных или наиболее важных социальных страхов здесь — страх „неудачи“, парализующий достижительский комплекс мотивации (базовые навыки социальности в других культурах)» [6. С. 288]. Несомненно, негативная идентичность стала одним из результатов «социальной травмы», полученной Россией в период трансформаций.

По мнению Л. Гудкова, механизмы негативной идентификации в России можно социологически квалифицировать как «самоконституцию от противного» [6. С. 271]. Их основная особенность заключается в том, что индивид (и группа) отторгает изменения, обозначает их чуждость, враждебность, самоконституируясь от противного, обозначая себя как антипод. Появление негативной идентичности обусловлено и тем, что сознание и поведение россиян изменилось значительно слабее, нежели активно трансформирующаяся социальная среда. Такое «запаздывание» адаптации как на индивидуальном уровне, так на уровне групп привело к пассивности, снижению эмоциональных реакций населения страны, преобладанию негативных эмоций и оценок, снижению мобилизационных спо-

собностей. В ситуации, когда возникает угроза системе ценностей в результате возникшего перенапряжения, шока возможно возникновение «моральной паники» [15]. Объекты, обозначенные как опасность, в моральной панике могут таковыми и не являться, страх может быть иррационален, например, опасение инопланетян, «чуждой» культуры и т.п. Реальная или потенциальная угроза существующим нормам и ценностям изменяет общественное сознание, зачастую это сопровождается возникновением парадоксальных его форм.

Как отмечает Ж.Т. Тощенко, вступление России в 1990-е гг. в рыночную экономику усугубило процессы деформации общественной жизни, активизировав появление «кентавр-проблем», породив «метаморфозы общественного сознания» с еще более глубокими и кардинальными социальными последствиями. «Метаморфозы могут охватывать как общественное сознание в целом, так и отдельные его виды, формы, а также механизмы его функционирования. Причем эти метаморфозы могут отражать как отдельные сдвиги и изменения, происходящие в сознании, так и самое причудливое их сочетание. Они — своеобразный результат деформаций общественного сознания, знаменующий появление его превращенных форм на всех уровнях социальной организации общества — макро-, мезо- и микросреде» [14. С. 4].

Проявления таких метаморфоз разнообразны, например, трактовка свободы как вседозволенности при полной атрофии ответственности и отрицании права на такую же свободу рядом живущих людей либо трансформация понятия «демократии» из почитаемого и глубоко ценимого в чуть ли не в предосудительное, неприличное, ругательное. Такие трансформации претерпели, например, понятия «суверенитет», «перестройка», «реформа» [13; 14].

Изменение общественного сознания и проявление его кризисных форм в конце XX в. в России отмечают многие исследователи, определяя его как «парадоксальное сознание», «кризисное сознание», «расколотое/разорванное сознание», «маргинальное», «катастрофическое», «утопическое» сознание и т.п. Каждое из этих определений подчеркивает критичность и патологичность современного общественного сознания, что подтверждается данными массовых опросов о социальном самочувствии.

Проанализировав различные данные о динамике здоровья россиян в 1991—1996 гг. (25 социальных параметров, таких как обеспеченность медицинской помощью, уровень производства и др.), И.А. Гундаров пришел к выводу, что эти явления вызваны не экономическими, а духовными факторами. Обобщив данные по разным странам, он сформулировал «закон духовной детерминации здоровья»: динамика здоровья населения на 84% зависит от духовного состояния общества (параметры агрессивности, безысходности, в том числе выражающейся в панических реакциях), и лишь на 16% от всех остальных факторов [7].

Социальное самочувствие во многом определяет эффективность реализации (степени успешности) адаптационных стратегий населения страны. Одним из показателей эффективности адаптационных процессов населения России может выступать социальная фрустрация (внутренняя эмоциональная напряженность, угнетенность, чувство страха, одиночества и др.) как индикатор реакции на сложив-

шие условия жизни. Именно социальная фрустрация является показателем индивидуальных и групповых рисков населения страны. Чем менее подвержено население фрустрационным процессам, тем более успешно оно приспосабливается к новым условиям.

По мнению Л.Е. Кесельмана и М.Г. Мацкевича [10], адаптационные механизмы населения разворачиваются в двух основных направлениях. Первое направление — адаптация различных социальных групп (и составляющих их индивидов) к изменяющимся социальным условиям жизни (в первую очередь, материальным и экономическим). Этот компонент доступен для наблюдения и анализа. Второе направление — это ценностно-нормативное пространство, детерминирующее изменившиеся (изменяющиеся) социальные отношения, непосредственный анализ которых затруднен. Адаптационные механизмы в рамках первого направления ориентированы на удержание и развитие достигнутого уровня жизни, а во втором — на освоение норм, адекватных новым социальным обстоятельствам [10]. В ценностно-нормативной адаптации самым важным является интернализация ценностных приоритетов и общей системы мироотношения, которые должны обеспечивать индивиду эффективную реализацию собственных жизненных программ в изменившихся социальных обстоятельствах. Успешность адаптации к социальным изменениям зависит от уровня оптимизма каждого члена общества, а совокупный потенциал оптимизма в условиях трансформационных изменений страны определяет возможность необратимости происходящих социальных изменений. Индикаторами оптимизма-пессимизма выступают оценки настоящего и будущего. Как свидетельствуют результаты исследований [10], количество оптимистов в нашей стране в период с 1992 по 2000 г. сократилось.

Учитывая противоречивость развития современного российского общества, некоторые парадоксы массового сознания, можно сделать вывод о том, что механизмы психической защиты населения страны в 1990-х гг. существовали в форме отрицания, подавления и вытеснения страха, тогда как другие формы, такие как сублимация и катарсис, которые могут привести к изменениям ценностной системы человека и социальных групп, практически не были задействованы. Возрастающее число потрясений и их масштаб не вызвали эскалации страха, активных форм выхода из ситуации угрозы (бегства, паники, бунта и т.п.). Реакция на опасность проявляется не в страхе, а скорее в его игнорировании, «бесстрашии». Такой механизм защиты психики, возможно, является архетипически сложившимся в течение многих веков развития России, результатом «расколотости» общества.

Анализируя эволюцию культурно-ценностных детерминант исторического развития нашей страны, А.С. Ахиезер [1] приходит к выводу о цивилизационной расколотости России. Одним из оснований тому является многовековое подавление страхов, адаптация к угрозам и опасностям различного масштаба, приведшие к их игнорированию, что вызвано диссонансом между формой и интенсивностью развития культуры и социальной структуры общества.

Осуществляемые в России на протяжении многих веков изменения, в том числе и форсированные, социальной структуры не учитывали меньшую подвижность культурных форм, что вело к возникновению ускоренных адаптационных

механизмов, зачастую травмирующих. Под воздействием чуждых идей и ценностей, через постоянное проникновение других культур, россияне выработали архетипическую защиту тех ценностей, которые у них уже наличествуют. Исторически сложившаяся большая территория и открытость границ приводили во все периоды развития страны к ассимиляции ценностей других культур. Форсированная модернизация, осуществляющаяся в государстве несколько столетий, также выработала устойчивый механизм защиты ценностной системы. Этот процесс связан также с социально-психологическими детерминантами, действием механизмов психологической защиты.

Бесстрашие россиян отмечает и К. Касьянова в работе «О русском национальном характере» [9]. Среди отличительных черт архетипа русского национального характера выделяются, во-первых, резко повышенный уровень репрессивности, «долготерпении»; во-вторых, внеисторический тип мышления, который автор назвала «апокалипсическим». По мнению Т.И. Заславской, именно эти черты привели к тому, что «многосторонние, следующие одна за другой реформы, в том числе и „шоковые“ не вызвали массовых деструктивных реакций, хоть и привели к возрастанию деструктивных процессов и явлений» [3. С. 59]. Репрессивность снизила эффект шока, это свидетельствует о высоких адаптационных способностях россиян. Вторая особенность российской ментальности — апокалипсический тип сознания — «с одной стороны, еще усиливает и абсолютизирует сопротивляемость изменениям, с другой стороны, приводит к тому, что когда сдвиг в общественном сознании все-таки происходит, то культурные скрепы распадаются полностью и изменения приобретают не контролируемый разрушительный характер» [3. С. 60].

Реакция на реальные и потенциальные опасности, т.е. страхи россиян и их переживание значительно отличаются от социальных страхов населения других стран. «Долготерпение» проявляется в игнорировании опасностей, демобилизации, неадаптированности, подмене источников угрозы (что, возможно, и влечет за собой «парадоксальность», «кентавричность» и т.п.). Это ведет к утрате «горизонтов происходящего», дезориентации, дезадаптации. «Апокалипсизм» же приводит к разрушению системы ценностей, оборачиваясь всплесками деструктивных форм поведения. В российском обществе возникает необходимость не только выявления «массовых» социальных страхов и «мониторинга» опасностей, но и активизации рефлексии страхов, так как, обозначая и исследуя опасности и угрозы, возможно минимизировать их негативные последствия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
- [2] *Бляхер Л.Е.* Нестабильные социальные состояния. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2005.
- [3] *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. — М.: Дело, 2004.
- [4] *Воронин Г.Л.* Социальное самочувствие россиян (1994—1996—1998 гг.). «Мерцающая» стратификация // Социологические исследования. — 2001. — № 6.

- [5] *Горшков М.И.* Российское общество в условиях трансформаций: мифы и реальность: 1992—2002. — М.: Роспэн, 2003.
- [6] *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997—2002 годов. — М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004.
- [7] *Гундаров И.А.* Демографическая катастрофа в России: причины, механизмы, пути преодоления. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- [8] *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. — М.: Эксмо, 2005.
- [9] *Касьянова К.* О русском национальном характере. — Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
- [10] *Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г.* Экономический оптимизм / пессимизм в трансформационном обществе // Социологический журнал. — 1998. — № 1/2.
- [11] *Козырева П.М.* Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX—XIX веков. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004.
- [12] *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина, ресурс человечества? — М.: Эдиториал, УРСС, 1999.
- [13] *Тощенко Ж.Т.* Метафоры современного общественного сознания // Социологические исследования. — 2001. — № 1.
- [14] *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. — М.: Гардарики, 2001.
- [15] *Ben-Yehuda N.* The sociology of moral panics: toward a new synthesis // The sociological quarterly. — 1986. — Vol. 27. — № 4.

TRANSITIONAL PROCESSES IN RUSSIA IN LATE XX — EARLY XXI CENTURY THROUGH PUBLIC FEARS

M.I. Vitkovskaya

Sociology Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The sense of instability, which has become one of the basic characteristics of public mind in the modern society, manifests itself most obviously in transitional periods, that is why the analysis of public fears is of vital importance in Russia today. The article describes the factors behind social fears in modern Russia and their peculiarities.